
ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО КОДА РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

А.А. Буевич

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений языка и религии с позиции духовно-религиозного кода русской лингвокультуры, уточняется содержание терминов «духовный код культуры», «пространство духовного кода русской православной лингвокультуры» с учетом современных достижений лингвокультурологии и теолингвистики.

Ключевые слова: теолингвистика, лингвокультурология, духовность, духовный код культуры, пространство духовного кода русской православной лингвокультуры.

В современной лингвистике возрос интерес к учению В. фон Гумбольдта, основным положением которого является отождествление «духа народа» и его языка: «...язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [7. С. 68–69]. Под его влиянием сформировалось особое видение языка как духовной активности человека в ряду с искусством, философией и наукой.

Сейчас становится очевидным, что границы лингвистики расширяются, создаются новые интегрированные дисциплины – лингвокультурология, когнитивная лингвистика, *теолингвистика* (от греч. *theos* – Бог и лат. *Lingua* – язык) – наука, возникшая вследствие взаимодействия языка и религии и «исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [5. С. 290].

Дело в том, что становление и развитие культуры невозможно представить без учета особенностей религиозной сферы в жизни народа. Правомерным является высказывание Н. Бердяева о том, что «культура родилась из культа, истоки её сакральны». Исторически религия предшествовала культуре как религиозный культ, тем самым она стала истоком, колыбелью человеческой культуры, её духовной родиной. Религия и культура представляют собой единую целостность, общее звено в истории человечества.

Отличительным признаком религии является вера в сверхъестественное, возможность контакта с ним, поиски связи с трансцендентным, сакральным. В христианстве сверхъестественное персонифицировано в Боге, поэтому поиски человеком пути в трансцендентный мир означают желание установить связь с Богом. В этой связи уместно вспомнить слова выдающегося русского мыслителя А.Ф. Лосева, который определял религию как «сознание своей зависимости от Высшей субстанции, союз человека с Богом» [13. С. 17].

Главной ценностью религии, как и культуры, является человек. Особое положение человека в животном мире определяется существованием его глубинного и уникального духовного мира, сформированного, главным образом, при помощи языка. Именно при помощи языка существуют, функционируют и воспроизводятся определенные духовные сущности, наполненные ценностными смыслами и составляющие сакральный центр культуры.

В связи с этим исследователи разных областей науки – философии, лингвистики, культурологии и др. – всё чаще обращаются в своих работах к изучению вопроса взаимоотношений языка и религии [4].

Впервые вопрос о связи языка и религии рассматривался в христианских философско-богословских учениях *представителей ранней, средней и поздней патристики* (II – VIII века: Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Августин Блаженный, Иоанн Дамаскин и др.). В их трудах язык понимался как важнейший способ Богопознания, как ключевое средство отображения и постижения мира. Учение о языке ранних теологов представляло собой составную часть богословия, где утверждалась неразрывная связь души, ума и слова.

В новое время концепция взаимосвязи языка и религии формируется в начале XX века в контексте учения лингвистической школы всеединства о «цельном знании». Исходные положения о цельном познании мира посредством синтеза философии, богословия и науки, разрабатываемые в трудах русского религиозного философа В.С. Соловьева, находят своё продолжение в онтологической теории языка П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. Непосредственным толчком для развития этой теории послужило бытийное (реалистическое) учение об Имени Божиим, возникшее в начале XX века в русском монашестве на Афоне и оформившееся в мистико-богословское движение «имяславие».

Во многом философия имени П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева – это обширный философский комментарий к словам Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [1 Ин. 1–4].

Учение Флоренского о языке синкретично сочетается с православным опытом исследования мира. Так, сопоставляя слово с семенем, отец Павел

опирается, с одной стороны, на Евангельский текст (притча о сеятеле), имея в виду прежде всего внутренний потенциал слова, его энергию, а с другой стороны, – на теорию А.А. Потебни.

Язык, в понимании А.Ф. Лосева, является онтологически-коммуникативным стержнем бытия, связующим Абсолютную личность Творца с тварной личностью человека, то есть онтологически осмысленное, энергичное имя играет роль «места встречи» Бога и мира. В своих работах он доказывает, что каждое слово таинственно связано с Именем Божиим и поэтому оно сопричастно Божественному Логосу. В этом отношении его философия имени предстаёт как учение о космическом и божественном слове, то есть космогонические представления в ней связаны с формированием материи духом, преобразованием хаоса в космос.

Имя, таким образом, является основой религиозной жизни. Религия, по мнению А.Ф. Лосева, есть «взаимодействие божественных и человеческих энергий, пост и молитва». Религиозная жизнь – это излучение Божественной энергии на душу. Именно эту Божественную энергию Лосев называет *именем*. Только в имени обретается сосредоточие знания, силы и жизни в Боге [14].

В одном ряду с концепцией имени Лосева стоит его учение о слове. Слово, в его понимании, предстает как воплощение сущности, то есть любой предмет может быть представлен как слово, как выражение своей сущности: вся реальность является нам осмысленной через слово.

По справедливому замечанию В.И. Постоваловой, в этих учениях объединяется ряд исходных лингвофилософских и лингво-богословских идей и разворачивается теoантропокосмическая парадигма, согласно которой язык рассматривается в контексте Бог-космос-человек. Так развивается православно-христианский вариант теoлингвистики [17. С. 375–376].

Проблема взаимодействия языка и религии может быть рассмотрена сквозь призму кодов языка и культуры.

В лингвистику понятие кода пришло из семиотики. В рамках современной семиотики соотношение языка и религии понимается достаточно определённо: язык выступает как первичная, базовая семиотика, основа и универсальная оболочка большинства форм общественного сознания, а религия представляет собой вторичную семиотическую систему, обладающую значительно более глубоким и богатым содержанием, чем язык.

В русле структурной лингвистики и семиотики код, относительно естественного языка, определяется как

1) система языка; совокупность знаковых единиц и правил их употребления (Ф. де Соссюр, У. Эко, Р.О. Якобсон и др.);

2) В.А. Лазарев, Л.А. Шестаков, У. Эко, Р.О. Якобсон трактуют код как разновидность языка и в соответствии с этим выделяют «коммуникативные» коды – код адресанта и код адресата; коды, отражающие социальную или территориальную неоднородность национального языка; «уровневые» коды – морфологический код, грамматический код, фонологический код;

3) Г.П. Мельников отождествляет код и индивидуальный язык: за счет громадного количества актов перекрестных общений коды (то есть языки) всех членов коллектива становятся практически одинаковыми.

Как видно из приведенных дефиниций, в лингвистике и семиотике код чаще всего отождествляется с языком, поскольку в терминах семиотики язык и код – это знаковые системы. Однако в современной лингвистике такое отождествление часто подвергается критике [12. С. 105–134].

Однако, несмотря на неоднозначность определений, категория кода широко используется в таких лингвистических направлениях, как теория коммуникации, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, этнолингвистика и др.

В *теории коммуникации* термин «код» тесно связан с понятиями *текст*, *сообщение*, *канал связи*, *модель* и некоторыми другими, вместе составляющими категориальный аппарат данной области научного знания.

Ю.М. Лотман считал слишком абстрактной модель коммуникации, предложенную Р.О. Якобсоном, подчеркивая, что в действительности у говорящего и слушающего не может быть абсолютно одинаковых кодов, как не может быть и одинакового объема памяти [15. С. 15].

М.Л. Макаров также подвергает справедливой критике понимание коммуникации, в которой главным признается процесс передачи информации. Исследователь отмечает, что кодовая модель всё же не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке: понимание предполагает нечто большее, чем только декодирование, – именно интерпретацию высказывания.

В *этнолингвистике* и *лингвокультурологии* понятие кода тесно связано с культурой. Как отмечают многие лингвисты (М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.), национально-культурная информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе, поэтому «культурное явление, вербализуясь в языке, получает статус национально-культурного кода, только в этом случае, когда оно покидает рамки языковой или речевой действительности одного индивида и становится общенациональным достоянием» [6. С. 71].

Одной из первых в русской лингвистике термином «коды культуры» стала оперировать С.М. Толстая при анализе славянских обрядов. В работах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Г.А. Левинтона и др. культурный код определяется как знаковая реализация архетипов сознания. Одним из важнейших свойств культурных кодов С. М. Толстая предлагает считать их вторичность: «...элементы кода, имеющие свое определенное “докодовое” значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов и сущностей» [23. С. 336].

По мнению С.М. Толстой, Е.Л. Березович и ряда других исследователей в области этнолингвистики, коды могут быть разделены на два типа: *субстанциональные*, вычлененные на основании общности плана выражения –

материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код (например, предметный код обряда); *концептуальные*, определенные на основании смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т.п.) [22].

В нашем исследовании, вслед за М.Л. Ковшовой, В.Н. Телия, С.М. Толстой, мы представляем культуру как *пространство культурных кодов*, а поскольку *пространство*, по мнению когнитологов, осознается людьми не через систему координат, а через отношения, существующие между объектами в пространстве [10. С. 34–41], нам представляется наиболее точным определение культурного кода В.А. Масловой, которая, опираясь на концептуальную метафору «контейнер» Е.С. Кубряковой, понимает код как *глубинное культурное пространство, «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код* [16. С. 30].

С помощью концептуальной метафоры контейнера можно описать любые множества, группировки, объединения, классы и категории, то есть перенести на эти абстрактные понятия все представления о контейнере материальном. Концептуальную метафору указанного типа можно использовать повсеместно – для интерпретации вселенной и языка, человека и социума. Так, например, тезис М. Хайдеггера «язык – дом бытия» (дом – это яркий пример вместилища, ограниченного его конструктивными элементами) получает развитие в работах многих лингвистов нового тысячелетия. В частности, Ю.С. Степанов, отмечая предельную «онтологизированность» концепта языка у М. Хайдеггера, дает свои определения языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли» [19. С. 29]. Таким образом, одной из самых характерных примет лингвофилософских размышлений над языком в наши дни становится обращение к образу пространства, то есть образ языка приобретает черты образа пространства во всех смыслах – реального, видимого, духовного, ментального.

В современном языкознании большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [11. С. 298]. В.А. Маслова, в противовес ей, утверждает, что кодов достаточно много – несколько десятков.

Нас интересует духовный код русской лингвокультуры.

Согласно приведенной классификации базовых кодов В.В. Красных, кодирование пространства идет в направлении от человека внешнего к человеку внутреннему. Переключение с человека внешнего на человека внутреннего осуществляется через *духовный код культуры*, который обобщает отрефлексированную действительность в терминах аксиологических категорий: хорошо – плохо; добро – зло; плюс – минус; верх – низ; свой – чужой и т.д. Это своеобразный итог познавательных

возможностей языковой личности, которая аккумулирует выработанные обществом, всей историей его развития, нравственные регулятивы и прескрипции, культурные ценности и этические постулаты. Духовная жизнь человека выходит за рамки его временной и пространственной локализации и отличается сложностью и полифункциональностью.

Для наиболее полной и объективной характеристики термина «духовный код культуры» рассмотрим содержание понятий «духовный» и «духовность».

Лексикографические источники разного времени, начиная с XVIII века, отражают историческое развитие семантики этих слов. Так, в «Словаре русского языка XVIII века» (1984–2011) словарная статья к лексеме *духовный* включает четыре значения: *Духовный*. 1. *Отн. к духу (7), нематериальной субстанции; противоп. материальный, вещественный. // Относящийся к богу, к познанию его.* 2. *Отн. к духу (9), душе (1) в христианском вероучении, к ее спасению, просвещению и т.п.* 3. *Относящийся к церкви, религии; противоп. светский, мирской. // Отн. к духовенству; ведающий делами духовенства и церкви.* 4. *Отн. к человеческому духу (10, 11), к его деятельности; нравственный, моральный* [18]. Семантика слова *духовность* в своем генезисе связана с религиозным началом в человеке: *Духовность*. 1. *То, что связано с духом (9); занятия, сфера деятельности духовенства.* 2. *Свойство духовного (1), нематериальность* [Там же].

В словаре В.И. Даля прилагательное *духовный*, являющееся производным от слова *дух*, имеет значение “бесплотный”, “нетелесный”, “из одного духа и души состоящий”. Это также «всё относящееся к Богу, церкви, к вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [8. С. 459]. В.И. Даль приводит также характерные для его эпохи сочетания: *духовное завещанье* – «стар. отказная, либо завещание или *духовная ж.* письменное, законно составленное распоряжение о добре, имуществе своем, на случай смерти; последняя воля»; *духовный отец* – «духовник, у кого исповедуешься»; *духовный сын, дочь* – «кто бывает на исповеди, в отнош. к своему духовному отцу» [Там же. С. 459].

Духовность же определяется автором как «состояние духовного» [Там же. С. 459].

В XX веке семантическая структура слов «духовный» и «духовность» претерпела изменения: с одной стороны, появились новые значения слов, с другой стороны, сузились значения лексем «духовный» и «духовность», они стали ассоциироваться не с душой и Богом, а с умом и моралью. В «Толковом словаре современного русского языка» (1935 г.) под редакцией Д.Н. Ушакова находим следующие определения:

Духовный, ая, ое. 1. *Прил. к дух в 1 знач., нематериальный, нетелесный (книжн.).* 2. *Бесплотный (устар.).* 3. *Церковный, сочиненный на библейскую или церковную тему; противоп. светский.* 4. *Прил., по знач. связанное с*

духовенством; *противоп.* светский. 5. в знач. суц. *духовный, ого, м.* Человек духовного звания (разг.). 6. Церковно-административный, относящийся к церковному управлению; *противоп.* светский (офиц. дореволюц. и загр.). 7. в знач. суц. *духовная, ой, ж.* То же, что духовное завещание (устар.) [20. С. 816].

Лексема *духовность* сопровождается пометой *книжное, устаревшее*: «Духовность, мн. нет, ж. (книжн. устар.). Отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» [20. С. 816].

В толковании этих лексем отсутствует актуальная для словаря В.И. Даля сема «вера». И если в семантической структуре слова *духовный* содержится сема «церковный, религиозный», то в толковании существительного *духовность* нет ни единого упоминания о религиозности. Объяснить причины такого семантического разрыва можно, на наш взгляд, вспомнив идеологические партийные установки советского времени, которые были направлены на преодоление в человеке всего буржуазного (в том числе и религиозного), на воспитание высоких идеалов социализма.

Возвращение к указанию религиозных значений в семантической структуре слов «духовный» и «духовность» наблюдается в словарях конца XX – начала XXI в. Так, например, в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской, изданном в 2006 г., в смысловой структуре прилагательного *духовный* актуализируется его значение, связанное с религиозной составляющей: «Духовный. 1. Рел. Относящийся к духу (Дух1 (1 зн.), связанный с религиозной жизнью человека; относящийся к Богу, вере, церкви. Духовный сан. Духовное звание. 2. В советское время: связанный с идеологией. *Революция наша была политической, и она была интеллектуальной, духовной.* Федин К. Шаг за шагом» [21. С. 239]. *Духовность* трактуется как «нематериальное, божественное начало в жизни и в человеке; сфера религиозных интересов человека» [Там же. С. 238].

Однако в «Большом толковом словаре русского языка» (2008) *духовность* определяется всё ещё без учёта Бога: «Духовная, интеллектуальная природа, внутренняя, нравственная сущность человека (противопологаемая его физической, телесной сущности)» [2. С. 289].

Как видно из сказанного, отмечается некоторая двойственность, размытость и нечеткость репрезентации сущностных признаков в дефинициях рассматриваемых лексем.

В современном научно-культурном обиходе *духовность* имеет двоякий смысл: секулярный (светский) и религиозный.

В *секулярном* направлении *духовность* – это «внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному», ментальная сфера, включающая в себя такие позитивные нравственно-этические понятия, как «добро», «правда», «истина», «красота» и другие, ориентированные на непреходящие ценности бытия и культуры как религиозного, так и светского

типа. *Духовность* в этом смысле относится к области сознания и мышления, является внутренним мотивом деятельности человека. В философско-психологической литературе *духовное* в человеке, как правило, связывается с общественным и творческим характером его жизнедеятельности, с включённостью человека в мир культуры (И.В. Силуянова, В.И. Митина, С.П. Крымский и др.). Большинство философов и психологов придают духовности смысл личностного и общественно-национального бытия, в котором человек (народ) ищет и находит ответы на вопросы о том, каково его назначение в жизни, зачем он живёт, что есть добро и зло, истина и ложь.

В *религиозно-христианском* мироощущении *духовность* неразрывно связана с «внутренним голосом» человека, его совестью, и воплощается в делании добра, во всеобщем «добротолюбии». Изначально христианская духовность означала Божественное, сверхчеловеческое начало в человеке, наличие в нем Благодати Святого Духа. Согласно Апостолу Павлу, духовный человек – это тот, кто стал сыном Божиим по благодати: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» [Рим. 8: 14]. Эту точку зрения разделяют все святые отцы. Согласно Василию Великому, духовным называется тот, «кто живет уже не по плоти, но водится Духом Божиим и сыном Божиим именуется, и делается подобным образу Сына Божия» [3].

В русле святоотеческой христианской духовной традиции рассуждали и представители русской религиозной философии: С.С. Аверинцев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др. В своих работах религиозные философы пытались определить ведущие черты русского духовного характера, понять и объяснить сущность и природу духовного, раскрыть содержание абсолютных духовных ценностей и идеалов, наиболее типичных для русского человека. Они сходятся во мнении, что сущность человека заключена в духовном и является основанием его физической и психической ипостасей.

В целом русские религиозные философы рассматривали проблему духовности сквозь призму Божественного Абсолюта, понятие «духовность» они соотносили с религиозно-церковной жизнью и связывали его с особым – соборным – типом коллективизма, который выступал как первичное неразложимое единство людей, с религиозной страстностью и стремлением найти путь к общему спасению.

С помощью категорий духа и духовности представители русской религиозной философии толковали и язык: «Язык народа есть как бы художественная риза его души и духа» [9. С. 173].

Основываясь на сказанном, под *духовным кодом культуры* мы понимаем глубинное духовное пространство культуры, «контейнер» для хранения, накопления и выражения архетипических представлений об Абсолюте-Боге, общенациональных религиозно-культурных ценностей, духовно-нравственных законов, взглядов и установок, этических постулатов

и норм, которые пронизывают все наше бытие, обуславливают наше поведение и любую деятельность, определяют оценки, даваемые себе и миру.

Говоря о *духовном коде русской православной лингвокультуры*, мы обращаемся к категории пространства, которое представляет собой систему, сформированную множеством взаимодействующих элементов, между которыми устанавливаются отношения, определяемые их функциональной спецификой. Пространство духовного кода русской православной лингвокультуры представляет собой системно организованное, развивающееся смысловое пространство, формируемое архетипическими библейскими смыслами, образами, символами и концептами, христианскими ценностями и догматами и реализуемое языковыми средствами. Язык выступает механизмом сбережения и трансляции составляющих элементов духовного кода, передаёт духовно-религиозные основания общества во времени, обеспечивает непрерывность в развитии социума. Духовный код русской православной лингвокультуры закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка. Каждый из его компонентов, наряду с языковой семантикой, характеризуется дополнительной духовно-мировоззренческой, христианской семантикой – определенной символической значимостью, утвердившейся в православной культуре и имеющей свое преломление в представлениях русской православно-конфессиональной общности. Так, например, в ветхозаветной традиции Бог осмысливается как справедливый правитель, судья, каратель грешников, а, согласно русской православной традиции, Бог – это, прежде всего, Любовь (*Божья любовь безгранична; Божья любовь не человеческой чета*).

Таким образом, отличительной особенностью пространства духовного кода православной лингвокультуры является то, что оно «одоухотворяется» Божественным присутствием, оно трактуется и прочитывается сквозь призму православного мировоззрения.

Пространство духовного кода русской православной лингвокультуры мы представляем в виде полевой структуры, в центре которой находятся **архетипические представления об Абсолюте-Боге** которые на уровне языка представлены именами Бога (*Всевышний, Спаситель, Всемилостивый, Вседержитель, Любовь* и др.). Ближняя периферия включает **ключевые слова-имена, которые способны стать духовно-религиозными концептами** (*вера, душа, спасение, православие* и др.).

Дальняя периферия представлена двумя уровнями: на первом уровне располагаются **общенациональные ценности** (*любовь, добро, милость* и др.), **духовно-нравственные установки, законы, нормы** (*не убий, не прелюбодействуй, не сотвори себе кумира* и др.), **этические поступки, репрезентируемые языком** (*покаяние, молитва, пост, милостыня* и др.; *Терпенье – лучшее спасенье; Не греша, не спокоешься; не спокоявшись, не помолишься; не молясь, не спасешься*).

Второй уровень дальней периферии представлен **совокупностью сакральных, религиозных текстов** (*Библия, Евангелие, псалтырь, катехизис, тропарь* и др.) и **религиозно-философских текстов** (*труды С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, А.Ф. Loseва, П.А. Флоренского* и др.); **языковыми номинациями священных религиозных предметов** (*алтарь, чаша, просфора, колокол* и др.), **культовых сооружений** (*Храм Христа Спасителя, Собор Успения Божьей Матери* и др.), **обрядов и праздников** (*крещение, панихида, Вознесение, Пасха, Рождество*), **номинациями религиозных организаций, людей по отношению к религии** (*епархия, клир, священник, батюшка, духовник, крестник* и др.); **вербализованными представлениями о духовных потребностях, нашедшими отражение в лексике, фразеологии, паремиях** (*Одно спасенье – пост да молитва; козел отпущения; Иудин поцелуй; око за око, зуб за зуб; терновый венец; манна небесная* и под.) (рис. 1).

Схематично пространство духовного кода русской православной лингвокультуры можно представить следующим образом:

Рис. 1. Пространство духовного кода русской православной лингвокультуры

Таким образом, пространство духовного кода русской православной лингвокультуры символично, концептуально, всеобъемлюще. Каждый народ живет в своем духовном пространстве и по-своему превращает пространство бытия в пространство человеческих духовных смыслов. При всех изменениях в истории народа духовный код культуры сохраняется и репрезентируется посредством языка, воплощается и передается из поколения в поколение в духовно-религиозных концептах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 1997. – 1337 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: [ок. 130 000 слов] / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1534 с.
3. *Василий Великий*. О святом духе к Амфилохию, епископу Иконийскому. Гл. 26, оп. // Творения / Василий Великий. – СПб.: изд-во П. П. Сойкина, 1911. URL: http://otechnik.narod.ru/newtest/1_3000/vasily_dux.html. (дата обращения: 27.01.2014).
4. *Владимирова Т.Е.* Языковое сознание и духовный потенциал слова / Т.Е. Владимирова // Христианство и наука: сб. докл. конф. / под ред. Ю. С. Владимирова. – М.: РУДН, 2014. – 271 с.
5. *Гадомский А.К.* Религиозный язык – теолингвистика – языкознание / А. К. Гадомский // Ученые записки Таврического национального университета. Сер. Филология. – 2007. – Т. 20 (59). – № 1 – Симферополь: ТНУ, 2007. – С. 287–292.
6. *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук / Ф.Н. Гукетлова; РАН, Ин-т языкознания. – М., 2009. – 431 л.
7. *Гумбольдт В. фон*. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: соврем. написание: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – Т. 4. – 688 с.
9. *Ильин И.А.* Одинокий художник / И.А. Ильин; сост. В.И. Белов; ННГУ. – М.: Искусство, 1993. – 348 с.
10. *Кравченко А.В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. – С. 34–41.
11. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
12. *Лав Н.* Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Lingüistica Cognitiva*. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 105–134.
13. *Лосев А.Ф.* «Мне было 19 лет...». Дневники. Письма. Проза / сост., предисл., комм. А.А. Тахо-Годи. – М.: Русские словари, 1997.
14. *Лосев А.Ф.* Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: Академический Проект, 2009. – 300 с.
15. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера / Ю.М. Лотман [и др.]. – СПб.: Искусство, 2000. – С. 12–149.
16. *Маслова В.А.* Мир и человек сквозь призму спортивного кода // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 28–36.
17. *Постовалова В. И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания / В. И. Постовалова // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 342–420.
18. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>. (дата обращения: 07.04.2015).
19. *Степанов Ю.С.* Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 7–34.
20. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред.: Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. – Т. 1: А – Кюрины / сост.

- Г.О. Винокур [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935. – 1564 с.
21. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века / под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.
22. *Толстая С.М.* К понятию культурных кодов // Славянская этнолингвистика URL: http://www.ethnolinguistica-slavica.org/index.php?option=com_content&view=article&id=81:2009-11-29-19-06-51&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3. (дата обращения: 09.03.2014).
23. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – 528 с.

MUTUAL RELATION BETWEEN LANGUAGE AND RELIGION THROUGH THE PRISM OF THE SPIRITUAL-RELIGIOUS CODE OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

A.A. Buyevich

The article discusses the special aspects of the language and religion interrelations from the perspective of the spiritual and religious code of the Russian linguistic culture, the terms «spiritual culture code», «context of the spiritual code of the Russian Orthodox linguoculture» are clarified in the light of the latest achievements of cultural linguistics and theolinguistics.

Key words: theolinguistics, linguoculturology, spirituality, spiritual culture code, space of the spiritual code of the Russian Orthodox linguoculture.